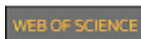

Дарчиев А. В. Культурная принадлежность святилища Мидхау в селении Лисри Северной Осетии / А. В. Дарчиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 313—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-313-334.

Darchiev, A. V. (2022). Cult Affiliation of Midgaw Sanctuary in Village of Lisri (North Ossetia). *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 313-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-313-334. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-313-334

Культурная принадлежность святилища Мидхау в селении Лисри Северной Осетии

Дарчиев Анзор Валериевич

orcid.org/0000-0001-8534-1936

ResearcherID B-6545-2017

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник отдела этнологии
dar-anzor@yandex.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева — филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
Владикавказский научный центр
Российской академии наук
(Владикавказ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
проекта РФФИ № 20-59-07003

Cult Affiliation of Midgaw Sanctuary in Village of Lisri (North Ossetia)

Anzor V. Darchiev

orcid.org/0000-0001-8534-1936

ResearcherID B-6545-2017

PhD in History, Senior Researcher,
Ethnology Department
dar-anzor@yandex.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz Science
Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-59-07003

© Дарчиев А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению святилища Мидхау (*Мидгъæу*), расположенного в горном селении Лисри Северной Осетии. Благодаря своей необычной «зиггуратной» форме святилище считается уникальным не только для Осетии, но и для всего Северного Кавказа. Его всестороннее изучение представляет собой актуальную научную задачу, поскольку проливает свет на ранние этапы формирования материальной и духовной культуры осетин. Показана проблематичность версий, связывающих это святилище с культами божеств Уацилла и Мады Майрам. Новизна исследования состоит в том, что впервые вводимые в научный оборот этнографические и фольклорные материалы позволили установить время, в которое совершалось ежегодное празднование в честь Мидхау, а также определить функции этого святилища. Автор приходит к выводу, что святилище Мидхау почиталось как небесный покровитель селения Лисри. Возле него совершалось примирение кровников, что свидетельствует о его высоком сакральном статусе. Ранее не публиковавшиеся архивные материалы свидетельствуют о связи святилища Мидхау в селении Лисри с некоторыми святилищами в других ущельях Осетии, что может указывать на существование самостоятельного культа Мидхау, восходящего к кобанской эпохе.

Ключевые слова:

святилище Мидхау; Мидгъæу; Пасха; небесный покровитель селения; примирение кровников; Уацилла; Мады Майрам.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the sanctuary of Midkhau (*Midgæw*), located in the mountain village of Lisri in North Ossetia. Due to its unusual “ziggurat” form, the sanctuary is considered unique not only for Ossetia, but also for the entire North Caucasus. Its comprehensive study is an urgent scientific task, since it sheds light on the early stages of the formation of the material and spiritual culture of the Ossetians. The problematic of the versions linking this sanctuary with the cults of the deities Uacilla and Mada Mairam is shown. The novelty of the study lies in the fact that the ethnographic and folklore materials introduced into scientific circulation for the first time made it possible to establish the time at which the annual celebration in honor of Midgæw took place, as well as to determine the functions of this sanctuary. The author comes to the conclusion that the Midgæw sanctuary was revered as the heavenly patron of the village of Lisri. Near it, the reconciliation of the bloodlines took place, which testifies to its high sacral status. Previously unpublished archival materials testify to the connection of the Midgæw sanctuary in the village of Lisri with some sanctuaries in other gorges of Ossetia, which may indicate the existence of an independent Midgæw cult dating back to the Koban era.

Key words:

Sanctuary of Midhow; Midgæw; Easter; heavenly patron of the village; reconciliation of bloodlines; Wacilla; Madame Mairam.

Культовая принадлежность святилища Мидхау в селении Лисри Северной Осетии

© Дарчиев А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Святилище Мидхау¹, или Мидхауы дзуар (*Мидгъæу, Мидгъæуы дзуар*), в селении Лисри Мамисонского ущелья является одним из наиболее интересных памятников материальной и духовной культуры осетин (рис. 1, 2).

Рис. 1. Святилище Мидхау в селении Лисри. 1946 г.
Фото В. Л. Лакисова [НА СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 11]

1 Осетинский увулярный фрикативный звонкий «гъ» чаще всего транскрибируют русским «г», хотя он соответствует аналогичному звуку южных говоров русского языка, при транскрибировании обозначаемому как «ҕ». Наиболее адекватной передачей звучания осетинского *Мидгъæу* буквами русской кириллицы является Мидхау (с чётким ударением на первом слове), и в работе мы придерживаемся именно этой транскрипции.

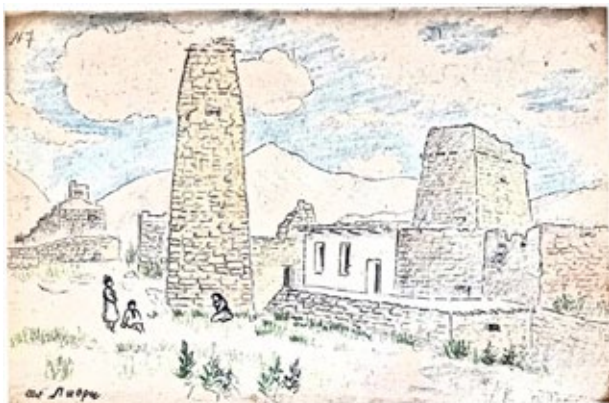

Рис. 2. Святилище Мидхау и башни в селении Лисри. 1946 г.
Рисунок В. Л. Лакисова. [НА СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 9, л. 3 об.]

Благодаря своей необычной форме, которую чаще всего сравнивают с древневосточным зиккуратом [Кузнецов, 1980, с. 172; Тменов, 1995, с. 158; Пищулина, 2006, с. 110; Осетины ..., 2012, с. 218], реже — с двухступенчатой пирамидой [Албегова, 2000, с. 126], святилище считается уникальным культовым сооружением не только для Осетии, но и для всего Северного Кавказа [Тменов, 1995, с. 158]. Эти историко-архитектурные аналогии, пусть и предложенные исследователями с известной долей условности, наводят на мысль о существовании у Мидхау весьма архаичного прототипа. Поэтому есть все основания полагать, что всестороннее исследование святилища может способствовать более полной реконструкции древних религиозно-мифологических представлений осетин и, стало быть, представляет собой актуальную научную задачу.

Центральным вопросом при изучении данного памятника является определение его функций и культовой принадлежности. Однако именно в этом вопросе исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, что во многом объясняется отсутствием достаточной источниковой базы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования стали впервые вводимые в научный оборот этнографические и фольклорные материалы о святилище Мидхау. Никогда ранее не публиковавшиеся архивные источники позволили установить время, в которое совершалось ежегодное празднование в честь Мидхау, а также определить функции этого святилища. Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективности.

Принцип историзма дает понимание причинно-следственных связей тех или иных событий. Принцип объективности предполагает использование только неискаженных и проверенных фактов и источников, а также требует рассматривать предмет исследования во всей совокупности его проявлений. При решении конкретных исследовательских задач использовались сравнительно-исторический, биографический, синхронный и диахронный методы. Именно на их основе выявлялась корректная историческая форма названия святилища Мидхау. Эффективным оказалось использование и междисциплинарного метода. В частности, привлечение данных топонимики позволило выявить ареальные вариации и связи топонима *Мидхау* как в Северной, так и в Южной Осетии.

Относительно датировки святилища существуют различные мнения. В. Х. Тменов попытался включить его в эволюционно-хронологический ряд, восходящий к зиккуратам Древнего Востока, и датировал периодом XVI—XVIII веков [Тменов, 1995, с. 144]. В. В. Пищулина на неясных основаниях относит Мидхау в сел. Лисри к XIII—XIV векам [Пищулина, 2006, с. 314]. Во время археологической экспедиции 1964 года В. И. Марковин обнаружил на кровле святилища обломок бронзовой поясной бляхи и бронзовую фигурку барана, относящуюся, по мнению учёного, к кобанскому времени [Марковин, 1969, с. 74]. Опираясь на эти находки (несмотря на то, что они считаются предметами вторичного использования [Тменов, 1995, с. 158]), известная исследовательница кобанской культуры В. Н. Козенкова высказала предположение, что Мидхау сооружён на месте древнего кобанского святилища [Козенкова, 1996, с. 41].¹

Вопрос о культовой принадлежности святилища Мидхау в научной литературе также решается по-разному. По мнению Т. К. Салбиева, это святилище грозового божества осетинского пантеона по имени Уацилла [Салбиев, 2014, с. 125—130]. Исследователем предложена обстоятельная аргументация, которая всё же включает некоторые положения, нарушающие её стройность. Поскольку в осетинской устной традиции Уацилла отождествляется с орлом, белые камни на вершине Мидхау трактуются как яйца, лежащие в орлином гнезде на вершине Мировой горы, образом которой и выступает это святилище [Салбиев, 2014, с. 128]. Сведения о белых камнях на вершине святилища Мидхау в Лисри приводятся со ссылкой на монографию В. Х. Тменова «Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии» [Тменов, 1984, с. 152]. Следует всё же иметь в виду, что в этой книге белые камни на вершине святилищ отмечаются неоднократно: на крыше святилища Хуыцауы дзуар (на вершине горы се-

1 Более точная датировка не приводится, поэтому нам остаётся лишь напомнить читателям, что кобанская эпоха охватывает период с XIV/XIII веков до н. э. до IV века до н. э.

веро-западнее Лисри) [Тменов, 1984, с. 153], в селении Камцхо на крыше святилища Дамбадели, называемого также Мады Майрам [Тменов, 1984, с. 146], в селении Клиат на крыше святилища Рагон Уастырджийи дзуар [Тменов, 1984, с. 156], в селении Згил на крыше святилища Самтхосы Уастырджийи дзуар [Тменов, 1984, с. 143], в селении Цми на крыше святилища Рекомы дзуар [Тменов, 1984, с. 136]. Вряд ли во всех этих случаях белые камни можно трактовать как лежащие в гнезде орлиные яйца и связывать их с культом Уацилла. Видимо, эта общая для разных святилищ деталь имеет иное значение. Необходимо обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: в ряде случаев белые камни на вершине этих святилищ были уложены в виде конуса или пирамиды, то есть сохраняли изначальную форму укладки [Тменов, 1984, с. 143, 146, 147, 156]. Коль скоро святилище в Лисри в мифологическом смысле трактуется как Мировая гора, не следует ли видеть в белых камнях на крыше святилища, возможно, также уложенных изначально в виде конуса или пирамиды, архитектурное изображение её снежной вершины? Ведь реальные образы священных гор с белоснежными вершинами всегда были перед взором создателей этого и других столпообразных святилищ с подобным оформлением.

Т. К. Салбиев высказывает интересное предположение, согласно которому трёхступенчатая «зиккуратная» форма святилища Мидхау имеет «ясно различимый исторический прообраз, которым, по-видимому, стал Животворящий Столп, находящийся в Мцхете». Обоснование этой гипотезы в основных чертах состоит в следующем. В Урсдонском ущелье Северной Осетии празднование в честь Мидхау (о нём см. ниже) приурочено ко дню осеннего праздника Ичына. Название последнего, как установлено В. И. Абаевым, происходит от названия христианского праздника Обновления (освящения) храма Воскресения Христова в Иерусалиме и вошло в народный календарь осетин через грузинское посредство. По утверждению исследователя, только в соседней Грузии, в отличие от всего остального христианского мира, этот праздник отмечается

14 октября.

Экстраполируя все эти данные на Мидхау в Лисри, учёный обращает особое внимание на ещё один значительный христианский праздник, отмечаемый в Грузии в тот же день, то есть 14 октября, — праздник в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего. Выделяются два основных момента, которые связывают этот праздник со святилищем в Лисри: 1) согласно церковному преданию, в основании Столпа Животворящего находится милоть (овчина) святого пророка Илии, имя которого распознаётся в осетинском *Уацилла*; 2) в изображениях Столпа Животворящего различается его тройственная структура, поэтому автор допускает, что «вместе

с праздником Ичфина, средневековые осетины воспроизвели и архитектурный облик его главной святыни» [Салбиев, 2014, с. 129].

Изображений Столпа Животворящего в рассматриваемой статье не приводится, поэтому нам трудно судить о степени близости его тройственной структуры к зиккуратной форме святилища в Лисри (рис. 3, 4).

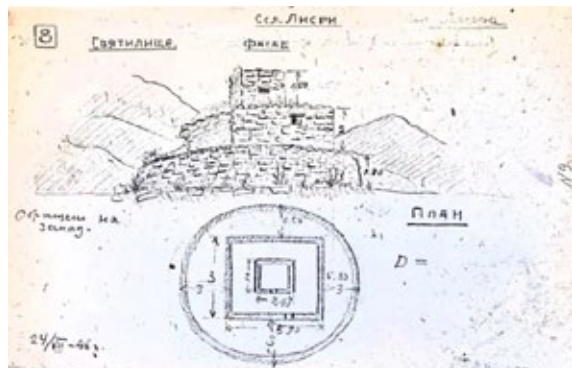

Рис. 3. Западный фасад и план святилища Мидхау. 1946 г.
Рисунок В. Л. Лакисова. [НА СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 9, л. 4 об.]

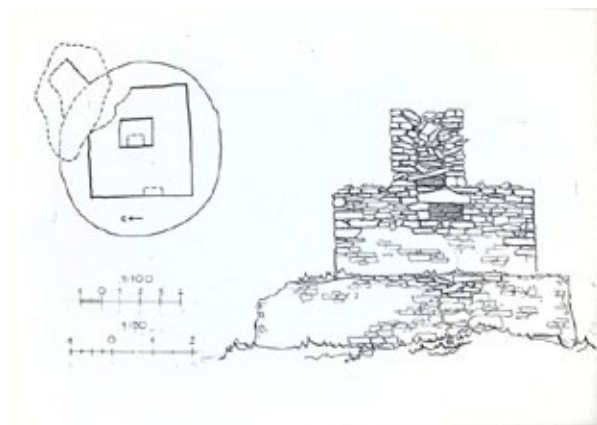

Рис. 4. Западный фасад и план святилища Мидхау. Не позднее 1982 г.
Рисунок А. Г. Чистякова. [НА СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 153, л. 37, 37 об.]

Остальная часть рассуждений автора, безусловно, заслуживает внимания, хотя и нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. Праздник Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме (Энкения) в Гру-

зии, как и во всём остальном православном мире, отмечают 26 сентября (13 сентября по старому стилю) [Грузины ..., 2015, с. 613], но не 14 октября, то есть не в день празднования в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего. Иными словами, это два отдельных, не совпадающих по времени праздника, поэтому вряд ли имеются веские основания считать Столп Животворящий главной святыней грузинского православного праздника Энкении (осет. *Ичъына*).

С другой стороны, встречающееся во многих исследованиях утверждение о совпадении праздников Михдау и Ичъына в Урсдонском ущелье также требует корректировки. Из этнографических материалов Е. Г. Пчелиной следует, что празднование в честь Михдау совершалось в первое воскресенье октября, а праздник Ичъына хотя и отмечали у святилища Михдау, но не одновременно, а только через неделю после празднования в честь Михдау, то есть во второе воскресенье октября [Дарчиев, 2022, с. 179, 185]. Стало быть, собственно праздник Михдау никогда не приходился на 14 октября и не совпадал по времени с грузинским православным праздником в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего.

Наконец, в упомянутой выше монографии В. Х. Тменов приводятся сведения о другом святилище Уациллайы дзуар в Лисри [Тменов, 1984, с. 153]. Если бы Т. К. Салбиеву удалось объяснить одновременное существование в селении двух святилищ в честь Уацилла, это, несомненно, подкрепило бы предложенную им версию.

Другая версия относительно недавно была предложена В. Т. Чшиевым. В содержательной статье о святилище Мидхау в Лисри исследователь приходит к выводу, что оно было посвящено Мады Майрам, покровительнице женщин, чадородия и супружеского благополучия [Чшиев, 2020, с. 20—26]. Нельзя не отметить большую работу, проведённую В. Т. Чшиевым по сбору полевого этнографического материала и непосредственному изучению культового сооружения. Всё это позволило обеспечить новую версию развёрнутым обоснованием, которое всё же содержит отдельные положения, вызывающие дополнительные вопросы.

В названии святилища Мидхау автор видит иносказательный эпитет Мады Майрам и приводит в подтверждение полученную от современных немногочисленных жителей селений Лисри и Камцхо устную информацию, согласно которой «святилищу молились в первую очередь женщины и девушки» [Чшиев, 2020, с. 24]. Было бы весьма интересно узнать, считают ли эти информаторы Мидхау святилищем, посвящённым Мады Майрам, но об этом, к сожалению, не сообщается.

В. Т. Чшиев приводит также сведения одного из информаторов о том, что в 40—50 годы XX века в святилище хранилась старая икона Бого-

родицы. Этот факт необязательно свидетельствует о посвящении Мидхау небесной покровительнице женщин Мады Майрам. Так, например, В. Н. Толстой, посетивший Реком в 1847 году, видел внутри «современных, суздальского писания, два образа Божией Матери» [Толстой, 1997, с. 76]. Вряд ли на этом основании можно заключить, что святилище Реком было посвящено Мады Майрам.

Если всё же допустить, что святилище Мидхау в Лисри посвящено Мады Майрам, то, вероятно, следовало бы ожидать, что одноимённое святилище в селении Камцо также было посвящено Мады Майрам. Однако по сведениям, которые приводит сам автор, святилище в честь покровительницы женщин известно в Камцо под своим прямым именем — *Мады Майрамы дзуар*, а также под названием грузинского происхождения *Дамбадели* [Чшиев, 2020, с. 24]. В то же время святилище Мидхау в Камцо никак не идентифицируется с Мады Майрам и имеет второе название, ясно говорящее о его предназначении — *Каузад (Хъаузаэд)*, то есть покровитель селения [Чшиев, 2020, с. 23]. Неизбежно возникающий вопрос о том, почему в ближайшем к Лисри селении святилище Мидхау не имеет отношения к Мады Майрам, оставлен без ответа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фольклорные источники о заселении Мамисонского ущелья и первые упоминания святилища Мидхау

Справедливости ради следует признать, что небесспорные моменты рассмотренных выше версий во многом объясняются едва ли не полным отсутствием в распоряжении исследователей опубликованных этнографических сведений и аутентичных фольклорных текстов об этом святилище. Между тем таковые имеются в рукописных материалах Первой этнолингвистической экспедиции по Алагирскому ущелью, состоявшейся летом 1932 года.

Согласно преданию, записанному участницей экспедиции Е. Т. Резавовой от столетнего Ибака Дарчиева (*Дарчиты Ибахъ*), первыми поселенцами в этой местности были Науаг и Лалды. В то время это была совершенно безлюдная земля, покрытая дремучим лесом: «*Науаг аема Лалды серлыгъдысты ацы хъауы бынатмае нае, фелае уаеле къуыппмае. Аема къуыппаей кастысты аема ауыдтой тыппыр, ныры Мидгъауы дзуары бынат. Аема йае нае ардтой, стаей йае уаед ыссардтой. Берагганае цам цыдысты аема йае афтамаей ссардтой. Белаестыл уыгартмае (берагганаентае) кодтой, цаммаей фаестамае цаугаей ма адзагъаел уой. ... Уаед сфанд кодтой ардаем ралидзынмае. ... Науагаен уыди артае фырты: Доба, Габыла, Рамон. Лалдыйаен райгуырды Дарчи, Дади*» [НА СОИГСИ,

ф. фольклор, оп. 1, п. 15, д. 23—3, л. 36 об.] / «Науаг и Лалды [первоначально] поселились не на месте этого селения (то есть не на месте нынешнего Лисри. — Д. А.), а вон на [той] возвышенности. Они смотрели с этой возвышенности и увидели холм — место нынешнего Мидхауы дзуара. Они не могли его найти, но потом нашли. На деревьях делали зарубки (метки), чтобы на обратном пути не заблудиться. ... Тогда решили они переселиться на это место ... У Науага было три сына: Доба, Габыла, Рамон. У Лалды родились Дарчи, Дади» (здесь и далее перевод наш. — Д. А.)

В приведённом фрагменте необходимо выделить два важных момента. Во-первых, основатели селения Лисри первоначально поселились на другом, более высоком и, вероятно, более безопасном месте на склоне горы. Перечисляя принадлежащие Лисри пастбища, Ибак Дарчиев называет Уаллаг кауы (*Уаллаг хъауы*), то есть «[Пастбище] в Верхнем селении», и поясняет: «*Науаг ама дзы Лалды цардысты*» [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 15, д. 23—3, л. 40] / «Там жили Науаг и Лалды». Таким образом, в начале 30-х годов прошлого века место первого селения ещё было хорошо известно и называлось *Уаллаг кау* / «Верхнее селение». Во-вторых, обозревая с высоты своего первого поселения покрытую непроходимым лесом долину, они смогли заметить холм, на котором ныне находится святилище Мидхау. Стало быть, это место по какой-то причине не было покрыто лесом, что (подобно роще в совершенно безлесной местности) могло восприниматься как признак его сакральности.

Почти через тридцать лет А. Дз. Цагаева записала в Лисри от старожилы Антона (*Анто*) Дарчиева ещё один вариант фамильного предания. Приводим его в сокращённом виде: «*Уала, Уаллаг хъауы къуыбырыл царди Дарчи. Ам та иуылдасер уыди хъад. Дарчийсен ма афсымасер дасер уыди. Дыууа афсымасерей иу Мидгъауы дзуары тигъей ракаст ма къадзыхыл ардоуз федта. Баластыл баггагаананта кенга цыд, ма аерцыди ардам, ныр Лисри кам и, уырдаерм. ... Уад аерлыгдысты уырдаерм*» [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 117, д. 286, л. 109] / «Вот [там], на возвышенности Верхнего селения жил Дарчи. А здесь (то есть в селении Лисри. — Д. А.) повсюду был лес. У Дарчи был ещё и брат. Один из братьев посмотрел с гребня Мидхауы дзуара и увидел на утёсе поляну. Он шёл, оставляя на деревьях зарубки, и пришёл туда, где теперь находится Лисри. ... После этого они переселились туда».

Данный вариант отличается от первого тем, что в нём главными действующими лицами выступают не Науаг и Лалды, а сыновья Лалды, то есть второе поколение поселенцев. Но и в этом тексте говорится о существовании Верхнего селения, появившегося раньше Лисри. Более того, жители Верхнего селения имели святилище Мидхау, находившееся, как следует из

текста, на гребне горы. Именно с этого горного гребня одному из сыновей Лалды удалось заметить среди лесного массива поляну на утёсе. Эта поляна, несомненно, соответствует тому непокрытому лесом холму в первом варианте предания, который Науаг и Лалды заметили с высоты Верхнего селения и который стал местом для нынешнего святилища Мидхау в селении Лисри. Значение этого элемента в тексте на первый взгляд имеет вполне очевидное рациональное объяснение: поляна, словно островок, выделялась среди бескрайнего леса, и потому её увидели сверху. Но почему это место было замечено не из какого-либо иного пункта наблюдения, а именно с той горной вершины, на которой находилось святилище Мидхау? Полагаем, здесь следует видеть имплицитный мотив участия вышних сил: этот небесный покровитель сам открыл взору наблюдателей оставшееся незаметным из любой другой точки место для основания нового селения.

Судя по всему, именно об этом первом Верхнем селении пишет А. Дз. Цагаева в монографии «Топонимия Северной Осетии», хотя и приводит его название в форме множественного числа: «*Уæллагхъæутæ* “Верхние селения”. ... Пастбище к западу от сс. Лисри и Камцхо с развалинами строений. Здесь, очевидно, когда-то было селение, но из современных старожилов никто не помнит, когда здесь жили люди» [Цагаева, 1975, с. 264]. Возможно, тщательное археологическое исследование указанного места и его окрестностей смогло бы пролить свет на время заселения этой части Мамисонского ущелья, а также позволило бы обнаружить следы первоначального святилища Мидхау.

3.2. Возникновение святилища Мидхау в селении Лисри, его культовая принадлежность и функции

Е. Т. Ревазова записала от Ибака Дарчиева и легенду о возникновении в селении Лисри святилища Мидхау, которую, учитывая её важность для нашей темы, мы приводим полностью: «*Митгъæуы дзуар у æрмæст Лисрийы кувæндон. Уæртæ уæлмæрдты уыди аргъуыан, цариц Тамарайы аргæст. Къæйтты комы дон раивылди æмæ аргъуыан фæлæста, сауыджын дæр йæ хуылфы уыди афтæмæй. Æмæ йæ нæ цурмæ куы ‘рбаласта, уæд дзы ратахт бæлоны хуызæн цыдæр æмæ æрбадт, уæлæ мæсыг дзы уыди, ууыл, æмæ æрхауди. Æмæ йæ уæд кувæндон скодтой, Митгъæуы кувæндон. Уымæ фæкувынц куыадзæн боны, цытпæрæмы. Куыадзæн боны цу балхæдтам цумиаг нывондаг æмæ-цу æй аргæвстам йæ цуры. Куыстытæ цу кодтой лæппутæ, уый йæддæмæ усæн кæнæ чызгæн уырдагмæ цæуæн нæ уыди» [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 15, д. 23—3, л. 41] / «Митхауы дзуар это молешня только селения Лисри. Вон там, на кладбище, была церковь, построенная царицей Тамарой. Река Сланцевого ущелья разлилась и унесла церковь вместе со священником внутри. И когда она принес-*

ла [церковь] близко к нам, из неё вылетело что-то, похожее на голубя, село на башню, которая была вон там, повыше, и упало. И тогда её (башню. — Д. А.) сделали святилищем, молельней Митхау. Ему молятся в день Пасхи, в четверг. В день Пасхи мы купали сообща жертвенное животное и резали его рядом со святилищем. Все работы выполняли юноши, а женщине или девушке ходить туда было запрещено».

Легенда пронизана христианскими мотивами. Из неё следует, что раньше святилища в селении появилась церковь, которую, однако, унесло водой.¹ В горах и в самом деле случаются поразительные по силе разливы рек, способные снести каменные строения. Однако указание на то, что церковь вместе с находившимся внутри священником целиком унесло к селению, наводит на мысль о прочной деревянной постройке. Такое предположение не кажется слишком смелым, учитывая и прежнее обилие леса в этих местах, и традицию деревянного зодчества в средневековой Осетии [Кузнецов, 1990, с. 18—22]. Самим своим появлением святилище Мидхау обязано этой церкви: из неё вылетело что-то, похожее на голубя, и указало место для основания святилища Мидхау. Здесь, однако, возникает первая трудность в понимании текста. Если на этом месте прежде находилась башня, то почему не осталось её видимых следов? Может быть, её разобрали и построили святилище в том виде, в каком оно известно в настоящее время, или же, учитывая обилие леса, она и вовсе была деревянной? (О деревянных башнях в Осетии и на Кавказе см.: [Кузнецов, 1990, с. 19]). Ответы на эти вопросы могло бы дать полное археологическое исследование объекта. Можно также предположить, что информатор обозначает словом *маэсыг* / «башня» святилище в его нынешней «зиккуратной» форме, и в связи с этим интересно отметить, что зиккурат — это собственно и есть башня-святилище или же храмовая башня верховного божества в архитектуре Древнего Двуречья.

Празднование в честь Мидхау совершалось в день Пасхи. Здесь возникает ещё одна трудность, поскольку в тексте дословно «в день Пасхи, в четверг». Возможно, речь идёт о четверге Светлой седмицы, то есть пасхальной недели. Об особой значимости четверга пасхальной недели свидетельствует Б. М. Каргиев: «*Куадзæны цыттарæмæ цуæй-цу хъæутæн вæййы Цæуæггæгты бон, иннæтæн та Хуыцауы дзуары бон*» [Каргиев, 1991, с. 16]. («В четверг Пасхи в одних селениях празднуют Цауаккаг, в других — день Хуыцауы дзуара»). В осетинском народном календаре Цауаккаг — это семейный праздник, который заключался «в передаче под по-

1 В этнографических материалах, собранных А. М. Баскаевой в 1940 году, приводятся похожие сведения о некогда существовавшей в Унале церкви, которую унесло разливом реки [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 91, д. 116, л. 14].

кровительство общесетинских, прежде всего «мужских» божеств мальчиков, достигших трёхлетнего возраста, включение их в мужскую общность» [Дзадзиев, 1994, с. 196]. Может быть, некоторое указание на особую роль в праздновании в честь Мидхау младшего поколения мужчин следует видеть в словах информатора о том, что непосредственно у святилища все приготовления к празднику совершали юноши (*лаппутæ*).

Текст проливает свет на вопрос о том, какому культу принадлежит святилище Мидхау. Как видно, празднование в его честь не связано непосредственно с почитанием Уацилла или Мады Майрам. Оно также не совпадает по времени и не имеет прямого отношения к празднику Обновления (освящения) храма в Иерусалиме (Энкения) и к празднику в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего. Видимо, версия о Животворящем Столпе в Мцхете как историческом прообразе «зиккуратной» формы святилища Мидхау нуждается в дополнительном обосновании.

Запрет женщинам и девушкам на посещение Мидхау со всей очевидностью исключает принадлежность этого святилища культу Мады Майрам. Сведения современных информаторов о том, что «святилищу молились в первую очередь женщины и девушки», следует рассматривать как позднюю инновацию. Сообщение тех же информаторов о старой иконе Богородицы, хранившейся в святилище в 40—50 годы XX века, позволяет отнести появление этой инновации к периоду Великой Отечественной войны. Тогда запрет для женщин на посещение святилища мог быть отменён силой обстоятельств, точно так же, как это произошло в военные годы с аналогичным запретом в общеизвестном и почитаемом святилище Хетаджы Уастырджийы кувандон (*Хетаѣджы Уастырджийы кувандон*).

Какими функциями наделялось святилище Мидхау? Косвенный ответ на этот вопрос содержится уже в самом начале рассматриваемого текста: Мидхау являлся святилищем только селения Лисри. Указание на то, что празднование в честь Мидхау в Лисри совершается только жителями этого селения, имеется и в этнографических записях Е. Б. Туаева, относящихся к началу 1970-х годов [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 141, д. 449, л. 8]. Всё это говорит в пользу уже высказывавшегося в этнографической литературе мнения о присущей святилищу Мидхау функции небесного покровителя селения Лисри [ОЭЭ; Молитвы ..., 2014, с. 48, 49].

В связи с этим стоит ещё раз вспомнить о святилище Мидхау в расположенном неподалёку от Лисри селении Камцхо. Е. Г. Пчелина неоднократно называет Камцхо отсёлком Лисри [СПбФ АРАН, ф. 1017, оп. 1, д. 208, л. 328, 381—385, 395] (рис. 5), что подтверждается и другими свидетельствами [Туаты, 1999, с. 72—74].

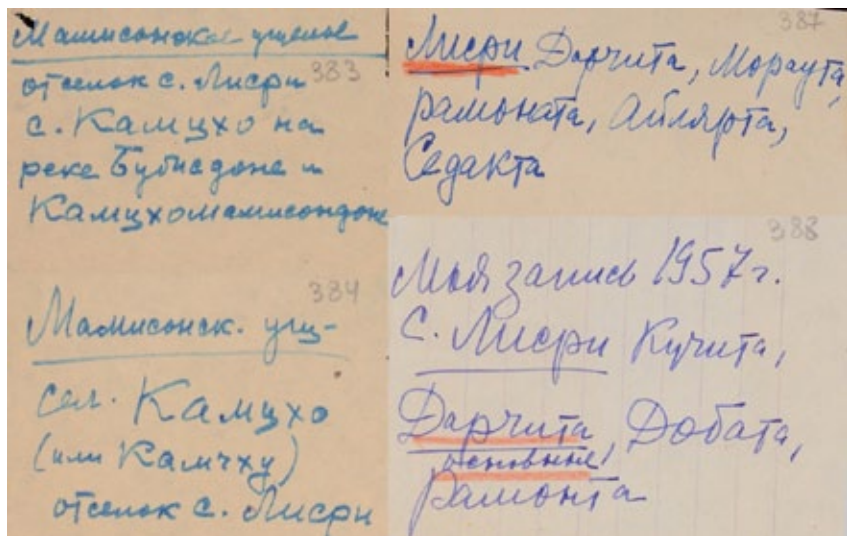

Рис. 5. Рукописные заметки Е. Г. Пчелиной о селениях Лисри и Камцхо.
[СПбФ АРАН, ф. 1017, оп. 1, д. 208, л. 383, 384, 387, 388]

Вероятно, переселенцы из Лисри принесли сюда название своего святилища — *Мидхау*, и вполне логичным было бы допустить, что Мидхау в Лисри так же, как и его «младший брат» в Камцхо, выполнял функцию небесного патрона селения. В то же время в рукописных материалах Е. Г. Пчелиной имеются две короткие заметки, согласно которым в качестве покровителя селения (*хъаузаед*) в Лисри почиталась сельская церковь [СПбФ АРАН, ф. 1017, оп. 1, д. 208, л. 386, 393]. Она действовала с 1901 года до конца 20-х — начала 30-х годов и, как можно заключить из заметок Е. Г. Пчелиной, за этот небольшой период времени приобрела в жизни сельской общины настолько большое значение, что на неё стали переносить функцию небесного покровителя селения.

Ещё об одной важной функции святилища свидетельствует записанное в 1932 году от Дарчиева Ибака предание, которое мы приводим в сокращённом виде: «*Лисри аема Тли фахыл ысты, аема Суантэй иу фамарди. Фахыл та сты заеххы араньл. Суантэ загътой Долойаен: «Ды нын аей амардтай». Долой та уыди нэ фыдселтэй иу. Уый загъта: «Ныуаадзут мэн, сз ницы амардтон». Уый фастэ Долой най кодта аема йае аербахъузыдысты Суантэ. Уаед йае най кенын ныуагъта аема йае найагъта скъасты бакодта. Йае фастэ маesyгмае схызти аема уырдыгэй ирон топпэй фехста аема Суанты Налыхъ фамард. Йае фастэ Долой*

æддаæмæ нал уæндыди, йæ хуымтæ дæр-иу йæ хæстæджытæ бакодтой. Йæ фæстæ куыадзæн боны куывды ссыди Митгъæуы дзуары бынмæ. Суантæ йæ разы бабадтысты. Сæхи мидæг йæд кодтой: «Уæдæ йæ суадзæм скувын». Иннæтæ загътой: «Фехсæм æй». Уæд иу чи у, уый загъта: «Уæддæр æй скувын бауадзæм». Æмæ йæ кувын бауагътой. Æмæ кувын байддытæ: «Хуыцау, дæ хорзæх æмæ нын Суанты хорзæх радт». Суантæ уæд загътой: «Йæхи амарæд, уый ма чи фехса. Йæ Хуыцауы фæстæ мах ном куы ссардта, уæд æй мах куыд амарæм». Æмæ уыдон .... (неразборчиво) æмæ уæд Сидæхъты Битгъе дзуры Долоймæ: «Уæртæ Суантæ дæ разы бадтысты æмæ фæцæуынц». «Æмæ бауыром сæ», - зæгъгæ, йæм сдзырдта. Бауырадта сæ Битгъе æмæ сæм ыссыди Долой. Род фыхæй схаста, уæлибæхтæ, бæгæны, арахъ æмæ сæ хорз федта, сæ мардæн сын рухсаг загъта. Ацыдысты уыдон. Уый фæстæ æрцыдысты хорз лæгтæ, тæрхоны лæгтæ æмæ уынаффæ скодтой. .... Æмæ сын уый фæстæ туг бафыста, фынг сын сарæзта æмæ бафидыдтой» [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 15, д. 23—3, л. 41 об., 42] / «Между жителями селений Лисри и Тли произошла ссора, и один из Суановых был убит. А поссорились они на меже. Суановы сказали Долою: «Это ты его убил». А Долой был одним из наших предков. Он им ответил: «Оставьте меня в покое. Я никого не убивал». После этого, когда Долой занимался обмолотом зерна, к нему подкрались Суановы. Тогда он прекратил молотьбу, а скотину, молотившую зерно, загнал в хлев. Затем поднялся на башню, выстрелил оттуда из осетинского ружья, и Суанов Налык был убит. После этого Долой опасался выходить наружу, а его земельные участки [за него] вспахали его родственники. Затем в день праздника Пасхи он пришёл к святилищу Митхау. Суановы поджидали его в засаде. Между собой они решали: «Позволим ему произнести молитву». Другие сказали: «Выстрелим в него». Тогда один из них сказал: «Всё же дадим ему помолиться». И дали ему произнести молитву. И он начал молиться: «Боже, даруй нам Твою милость и благоволение Суановых». Тогда Суановы сказали: «Пусть убьёт себя тот, кто ещё выстрелит в него. Как мы можем убить того, кто после Бога упомянул наше имя». И они... (неразборчиво) и тогда Сидиков Бите говорит Долою: «Вон, Суановы подстерегали тебя, а теперь уходят». «Так останови их», — сказал он ему в ответ. Бите задержал их, и к ним явился Долой. Он принёс с собой варёную тушу телёнка, пироги с сыром, пиво, араку и хорошо угостил их, упомянул их убитого родственника. Они ушли. Затем пришли добрые мужи, судьи и вынесли решение .... После этого он выплатил цену крови, накрыл стол, и они примирились».

Приведённый текст даёт основание полагать, что у святилища происходило примирение враждующих сторон и кровников. Хотя в тексте нет

описания обряда, мы видим, что первый, самый главный и самый драматичный этап примирения происходит именно у святилища Мидхау: после молитвы Долоя в этом святом месте его враги, находившиеся здесь же, принимают решение отказаться от кровавого возмездия.

3.3. Происхождение экклезионима *Мидхау*, его ареальные вариации и связи

Ещё одним важным вопросом в изучении «зиккуратного» святилища в Лисри является происхождение экклезионима *Мидхау*. Прежде всего необходимо уточнить его правильную историческую форму, так как зачастую она приводится не совсем корректно. Наиболее ранняя фиксация данного экклезионима обнаруживается в уже упоминавшихся рукописных материалах Первой этнолого-лингвистической экспедиции 1932 года по Алагирскому ущелью. Участница экспедиции Е. Т. Ревазова записала от Ибака Дарчиева название этого святилища в двух вариантах: *Мидгъæу* и *Митгъæу* [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 15, д. 23—3, л. 36 об., 41, 41 об.]. В этнографических записях Б. А. Алборова (1886—1968), сделанных в Туалгоме, также приведены оба варианта: *Мидгъæу* [НА СОИГСИ, ф. 19 (Алб.), д. 85, л. 315] и *Митгъæу* [НА СОИГСИ, ф. 19 (Алб.), д. 204, л. 34]. Святилище *Мидгъæуы дзуар* упоминается в тексте, записанном А. Дз. Цагаевой во время экспедиции 1960 года от старожила селения Лисри Антона (Атто) Дарчиева [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 117, д. 286, л. 109], и именно эта форма — *Мидгъæуы дзуар* — вошла в монографию А. Дз. Цагаевой «Топонимия Северной Осетии» [Цагаева, 1975, с. 282].

Особо следует отметить этнографические материалы, собранные и собственноручно записанные выходцами из Туалгома, в том числе из селений Мамисонского ущелья, поскольку в этих случаях вероятность неправильной фиксации практически исключена. В фольклорных записях 71-летнего жителя селения Зарамаг Евдокима Батразовича Туаева, относящихся к 1971 году, в перечне святилищ Туалгома находим: «Лысырийы — *Мидгъæуы кувæндон*» [НА СОИГСИ, ф. фольклор, оп. 1, п. 141, д. 449, л. 8]. В рукописных материалах Тимофея Александровича Моураова (1926—2010), который родился и вырос в селении Камцхо, название интересующего нас святилища — *Мидгъæуы дзуар* [АА].

Таким образом, многократно подтверждённой исторической формой интересующего нас названия является *Мидгъæу*. Форма *Мидхъæу*, вынесенная в заголовок вышеупомянутой статьи В. Т. Чшиева [Чшиев, 2020, с. 20], представляет собой позднейшую трансформацию и не может рассматриваться как основная.

А. Дз. Цагаева объясняет это название следующим образом: «*Мидгъæуы дзуар*. “Святилище внутри селения” (~: *мидгъæуы* — род. п. ед. ч. <мид «в»,

«внутри» + *гъæу* «селение»)) [Цагаева, 1975, с. 282]. Предложенное толкование представляется нам проблематичным по нескольким причинам. Святилище находится на окраине селения, а для подобного рода локализации префикс *мид-* «в», «внутри» в осетинском языке никогда не используется. Расположение объекта на окраине чего-либо (села, леса и т. д.) описывается сложными словами с компонентом *каæрон* «конец, край, предел» во второй части: *хъæугæрон* «окраина села, околица», *хъæдгæрон* «опушка леса» и т. д. Кроме того, святилищ на окраинах селений в Осетии довольно много [Цагаева, 1975, с. 153, 186, 281, 380, 384, 499, 503, 506], но ни одно из них не обозначается как «находящееся в селении» или «внутри селения».

Для выявления топонимического ряда, звеном которого является *Мидхъауы дзуар* (*Мидгъæу дзуар*), возможно, следует обратить внимание на святилище под названием *Мидхъайы дзуар* (*Мидгъайы дзуар*) в селении Гнасур (Южная Осетия) [Гаглойты, 2017, с. 71]. Поскольку *Мидгъа* на осетинском языке никак не осмысливается, может быть, не стоит исключать вероятность того, что оба эти названия — *Мидгъа* и *Мидгъæу* — относятся к субстратному слою топонимии.

Говоря о святилище Мидхъа в Лисри, нельзя обойти вниманием непростой, но важный вопрос о его связи со святилищем Михдау (*Мигъдæу*) в Урсдонском ущелье. Представление о характере и функциях культа Михдау в Урсдонском ущелье во многом основывается на результатах этимологических изысканий. В. И. Абаев предложил следующую трактовку: «Восходит к **Maiga-tavah-* буквально “Туча-сила”. ... вторая часть, *daw*, идентична с *dawæg* “божеств” (← **vi-tāvaka-* “сила”))» [Абаев, 1973, с. 117]. Данная этимология не встретила возражений специалистов [Mayrhofer, 1996, S. 374; Lebedynsky, 2002, p. 254], за исключением некоторых разночтений во второй части. В 1986 году её привёл в своей статье немецкий кельтолог Рольф Кёддерич, несколько видоизменив перевод: “Es gibt im iron. Dialekt des Osset. einen GN *Mīgdaw*, der sich auf ein altiran. **Maiga-tavah-*, wörtlich “Wolkenkraft habend” zurückführen läßt [Ködderitzsch, 1986, S. 198] / «В иронском диалекте осетинского языка имеется теоним *Mīgdaw*, который может быть возведён к древнеиран. **Maiga-tavah-* буквально “Владеющий силой туч”». В 2001 году академик М. Н. Боголюбов предположил, что вторая часть осет. *Мигъдау* (*-dau*) связана с древним иранским глаголом **dū-*: **dav-*: **dāv-* «почитать, поклоняться, ублажать» [Боголюбов, 2001, с. 66]. В 2002 году иранист Джонни Чёнг в известной своей монографии также принял эту этимологию, правда, с уточнениями к реконструируемой праформе (< **maiga±dāua-*) и к семантике второй её части: “Since *dawæg* originally meant “(someone) who chases away” (q.v.), *mīgdaw* may rather be interpreted as ‘cloud chaser’” [Cheung, 2002, p. 205] /

«Поскольку *dawæg* первоначально означало “(тот), кто прогоняет прочь” (см. *dawæg*), *miğdaw* скорее можно истолковать как “прогоняющий тучу”».

В научной литературе преобладает мнение об идентичности Михдау в Урсдонском ущелье и Мидхау в Лисри. Зачастую то минимальное различие, которое имеется в этих названиях, незаметно стирается, и святилище в Лисри называют точно так же, как и святилище в Урсдонском ущелье, то есть Михдау [СПбФ АРАН, ф. 1017, оп. 1, д. 208, л. 393; Тменов, 1995, с. 158], при этом перенося на него функцию «Владыки туч», реконструируемую этимологическим путём для Михдау [Салбиев, 2014, с. 125—130]. В упоминавшейся выше статье В. Т. Чшиев привёл некоторые доводы, противоречащие такому представлению. Исследователь отмечает, что в действительности название святилища в Лисри звучит не *Михдау*, а *Мидкау* (*Мидхъæу*) и имеет иное значение (об этом см. выше). Кроме того, отмечается полное архитектурное несоответствие обоих святилищ. Отсюда автор заключает, что святилище в Лисри не имеет отношения к понятию Михдау [Чшиев, 2020, с. 20, 23].

Такой вывод представляется несколько преждевременным. Сопоставление архитектурных форм святилища-«зиккурата» в Лисри (относимого В. Х. Тменовым к 3-му типу осетинских столпообразных «языческих святилищ» [Тменов, 1995, с. 158]) и здания святилища Михдау, прежде являвшегося христианской церковью, трудно признать в достаточной степени корректным. Многое говорит за то, что эта церковь была воздвигнута на месте более древнего святилища, архитектурная форма которого нам неизвестна.

Отнюдь не отрицая имеющиеся между этими двумя святилищами отличия, следует всё же обратить внимание и на те черты, которые их объединяют. Михдау, считавшееся в Урсдонском ущелье наиболее древним святилищем [НА СОИГСИ, ф. 4, оп. 1, д. 64, л. 63], как мы уже отмечали в другой статье, имеет отношение не столько к аграрному культу, сколько к покровительству мужчинам-охотникам и скотоводам [Дарчиев, 2022, с. 167, 168]. Что касается Мидхау в Лисри, то В. И. Козенкова допустила, что на его месте уже в кобанскую эпоху существовало святилище, где могли проводиться обрядовые церемонии и приношения охотников и скотоводов [Козенкова, 1996, с. 41—43]. Этнографические записи Е. Е. Бараковой свидетельствуют, что в Михдау Урсдонского ущелья в прежние времена происходило примирение кровников [НА СОИГСИ, ф. 4, оп. 1, д. 64, л. 9]. Как было показано выше, аналогичная функция с высокой степенью вероятности существовала и у Мидхау в Лисри. В приведённой выше легенде о Мидхау место сооружения этого святилища указывает вылетевшая из церкви необычная птица или «что-то, похожее на голубя». Похожий мотив содержится в записанной

Е. Г. Пчелиной легенде о Михдау: появление необычной птицы, улетевшей в сторону священной горы Кариу (*Хъæриу*), стало для местных жителей знаком свыше о необходимости возведения святилища Михдау [СПбФ АРАН, ф. 1017, оп. 1, д. 161, л. 61, 62]. Учитывая всё вышесказанное, мы полагаем, что Михдау (*Мигъдау*) представляет собой то же самое название, что и Мидхау (*Мидгъау*), но с метатезой *дгъ* → *гъд*.

4. Заключение = Conclusions

Версии о связи святилища Мидхау в Лисри с культом грозового божества Уацилла и с культом покровительницы женщин, чадородия и супружеского благополучия Мады Майрам не имеют достаточных оснований. Этнографические и фольклорные источники свидетельствуют, что святилище Мидхау наделялось функциями небесного патрона селения Лисри. В силу высокого сакрального статуса святилища в нём совершалось примирение враждующих сторон и кровников, которые могли происходить из разных селений.

Святилища Мидхау в Лисри и Михдау в Урсдонском ущелье обнаруживают определённые черты сходства (роль чудесной птицы в возникновении святилища, функции примирения кровников и покровительства охотникам и скотоводам), поэтому есть основания полагать, что они принадлежали одному и тому же самостоятельному культу, возможно, восходящему к кобанской эпохе. В таком случае, экклезионимы *Михдау* (*Мигъдау*), *Мидхау* (*Мидгъау*), так же как и *Мидха* (*Мидгъа*) в Южной Осетии, могут относиться к субстратному слою топонимии.

Почитание Мидхау в селении Лисри испытало сильное христианское влияние, что выразилось и в легенде, связавшей его происхождение с церковью, и в приурочении посвящённого ему празднования ко дню христианской Пасхи. В позднейший период, когда жители покинули селение Лисри, представления о святилище Мидхау и связанный с ним ритуал были полностью забыты.

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив автора.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. — Ленинград : Наука, 1973. — Т. 2. — 448 с.
3. Дзадзиев А. Б. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь / А. Б. Дзадзиев, Х. В. Дзуцев, С. М. Караев. — Владикавказ : [б. и.], 1994. — 284 с. — ISBN 5-7534-0537-1.
4. НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64 ; Ф. 6. Оп. 1. Д. 153 ; Ф. 19 (Алб.). Д. 204, 85 ; Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 15. Д. 23—3, П. 91. Д. 116, П. 117. Д. 286, П. 141. Д. 449.

5. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 161, 208.
6. ОЭЭ — *Осетинская этнографическая энциклопедия* / Сост. Л. А. Чибиров. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2012. — 688 с. — ISBN 978-5-88734-011-1.
7. *Mayrhofer M. Ethymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* / M. Mayrhofer. — Heidelberg : Winter, 1996. — Bd. 2. — 837 S. — ISBN 3-8253-4550-5.

Литература

1. *Албегова З. Х.-М.* Палеосоциологическое исследование религии алан V—XII вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.06 / З. Х.-М. Албегова. — Москва, 2000. — 342 с.
2. *Боголюбов М. Н.* Слово о В. И. Абаеве — иранисте и этимологе (к торжественной дате столетия со дня рождения учёного) / М. Н. Боголюбов // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. — Москва : Языки русской культуры, 2001. — С. 63—66. — ISBN 5-7859-0201-X.
3. *Гаглойты З. Д.* Осетинские фамилии / З. Д. Гаглойты. — Цхинвал : Республика, 2017. — 372 с. — ISBN 5-265-00999-X. (На осет. яз.).
4. *Грузины* / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева. — Москва : Наука, 2015. — 813 с. — ISBN 978-5-02-038059-2.
5. *Дарчиев А. В.* Материалы о культовом комплексе Мигъдæу в научном наследии Е. Г. Пчелиной / А. В. Дарчиев // Известия СОИГСИ. — 2022. — № 45 (84). — С. 163—189. — DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009.
6. *Каргиев Б. М.* Осетинские обычаи / Б. М. Каргиев. — Владикавказ : [б. и.], 1991. — 161 с. (На осет. яз.).
7. *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры) / В. И. Козенкова. — Москва : Пушин. науч. центр РАН, 1996. — 162 с. — ISBN 5-201-14317-2.
8. *Кузнецов В. А.* Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа / В. А. Кузнецов // Северный Кавказ в древности и в средние века. — Москва : Наука, 1980. — С. 162—177.
9. *Кузнецов В. А.* Реком, Нузал и Царазонта / В. А. Кузнецов. — Владикавказ : Ир, 1990. — 200 с. — ISBN 5-7534-0311-5.
10. *Марковин В. И.* Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии / В. И. Марковин // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. — 1969. — Т. 2. — С. 63—83.
11. *Молитвы* при совершении религиозно-культовых и традиционно-бытовых обрядов осетин : сборник. — Москва : ИСПИ РАН ; Владикавказ : СОГУ, 2014. — 312 с. — ISBN 978-8336-0841-8.
12. *Осетины* / отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. — Москва : Наука, 2012. — 605 с. — ISBN 978-5-02-038026-4.
13. *Пищулина В. В.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья / В. В. Пищулина. — Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ, 2006. — 320 с. — ISBN 5-87872-343-3.
14. *Салбиев Т. К.* Об архитектурных особенностях святилища Мигъдау-дзуар селения Лисри / Т. К. Салбиев // Социально-политические, культурные вопросы устойчивого развития горных территорий. — 2014. — № 3 (21). — С. 125—130.

15. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии / В. Х. Тменов. — Орджоникидзе : Ир, 1984. — 344 с.
16. Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии / В. Х. Тменов. — Владикавказ : РИПП им. В. А. Гассиева, 1995. — 437 с.
17. Толстой В. Н. Сказание о Северной Осетии / В. Н. Толстой. — Владикавказ : РИПП им. В. А. Гассиева, 1997. — 127 с. — ISBN 5-87862-046-4.
18. Туаев И. Мой любимый Туалгом : публицистические произведения / И. Туаев. — Владикавказ : Ир, 1999. — 108 с. (На осет. яз.).
19. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии / А. Дз. Цагаева. — Орджоникидзе : Ир, 1975. — Ч. 2. — 560 с.
20. Чшиев В. Т. Святилище Мидхъау дзуар в селении Лисри Северной Осетии / В. Т. Чшиев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2020. — Т. 20. — № 2. — С. 20—26. — DOI: 10.46698/i5436-1660-2982-n.
21. Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism / J. Cheung. — Wiesbaden : Ludwig Reichert, 2002. — 331 p. — ISBN 3-89500-267-4.
22. Ködderitzsch R. Keltoide Namen mit germanischen Namenträgern / R. Ködderitzsch // Zeitschrift für celtische Philologie. — 1986. — Bd. 41. — № 1. — S. 188—213.
23. Lebedynsky I. Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirassés entre Oural et Danube, VIIe siècle av. J.-C.-VIe siècle apr. J.-C. / I. Lebedynsky. — Paris : Errance, 2002. — 271 p. — ISBN 2-87772-235-X.

Material resources

- Abaev, V. I. (1973). *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*, 2. Leningrad: Nauka. 448 p. (In Russ.).
- Archive of the author. (In Russ.).
- Dzadziev, A. B., Dzutsev, H. V., Karaev, S. M. (1994). *Ethnography and mythology of Ossetians. A concise dictionary*. Vladikavkaz: [B. I.]. 284 p. ISBN 5-7534-0537-1. (In Russ.).
- Ossetian Ethnographic Encyclopedia*. (2012). Vladikavkaz: Project Press. 688 p. ISBN 978-5-88734-011-1. (In Russ.).
- Mayrhofer, M. (1996). *Ethymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, 2. Heidelberg: Winter. 837 S. ISBN 3-8253-4550-5. (In Germ.).
- Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V. I. Abayev*. F. 4. Op. 1. d. 64; F. 6. Op. 1. D. 153; F. 19 (Alb.). d. 204, 85; F. Folklore. Op. 1. p. 15. D. 23—3, P. 91. D. 116, P. 117. D. 286, P. 141. D. 449. (In Russ.).
- St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences*. F. 1017. Op. 1. D. 161, 208. (In Russ.).

References

- Albegova, Z. H.-M. (2000). *Paleosociological study of religion Alan V—XII centuries*. PhD Diss. Moscow. 342 p. (In Russ.).
- Bogolyubov, M. N. (2001). The word about V. I. Abaev — the Iranist and etymologist (to the solemn date of the centenary of the scientist's birth). In: *Vasily Ivanovich Abaev 100 years*. Moscow: Languages of Russian Culture. 63—66. ISBN 5-7859-0201-X. (In Russ.).
- Cheung, J. (2002). *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*. Wiesbaden: Ludwig Reichert. 331 p. ISBN 3-89500-267-4.

- Chshiev, V. T. (2020). The sanctuary of the Midkhu dzuar in the village of Lisri in North Ossetia. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 20 (2): 20—26. DOI: 10.46698/i5436-1660-2982- n. (In Russ.).
- Darchiey, A. V. (2022). Materials on the cult complex Migdau in the scientific heritage of E. G. Pchelina. *Izvestiya SOIGSI*, 45 (84): 163—189. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009. (In Russ.).
- Gagloity, Z. D. (2017). *Ossetian surnames*. Tskhinval: Republic. 372 p. ISBN 5-265-00999-X. (In Osset.).
- Georgians. (2015). Moscow: Nauka. 813 p. ISBN 978-5-02-038059-2. (In Russ.).
- Kargiev, B. M. (1991). *Ossetian customs*. Vladikavkaz: [B. I.]. 161 p. (In Osset.).
- Ködderitzsch, R. (1986). Keltoide Namen mit germanischen Namenträgern. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 41 (1): 188—213. (In Germ.).
- Kozenkova, V. I. (1996). *Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age. (Nodal problems of the origin and development of Koban culture)*. Moscow: Pushchin. Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 162 p. ISBN 5-201-14317-2. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (1980). Topical issues of the history of medieval architecture of the North Caucasus. In: *The North Caucasus in antiquity and in the Middle Ages*. Moscow: Nauka. 162—177. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (1990). *Recom, Nuzal and Tsarazonta*. Vladikavkaz: Ir. 200 p. ISBN 5-7534-0311-5. (In Russ.).
- Lebedynsky, I. (2002). *Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirassés entre Oural et Danube, VIIe siècle av. J.-C.-VIe siècle apr. J.-C.* Paris: Errance. 271 p. ISBN 2-87772-235-X. (In French).
- Markovin, V. I. (1969). Some results of archaeological exploration in North Ossetia. *Materials on archeology and ancient history of North Ossetia*, 2: 63—83. (In Russ.).
- Ossetians. (2012). Moscow: Nauka. 605 p. ISBN 978-5-02-038026-4. (In Russ.).
- Pishchulina, V. V. (2006). *Christian temple architecture of the North Caucasus of the Middle Ages*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Higher School of Economics. 320 p. ISBN 5-87872-343-3. (In Russ.).
- Prayers when performing religious-cult and traditional household rituals of Ossetians. Collection*. (2014). Moscow: ISPI RAS; Vladikavkaz: SOGU. 312 p. ISBN 978-8336-0841-8. (In Russ.).
- Salbiev, T. K. (2014). About the architectural features of the Migdau-dzuar sanctuary of the village of Lisri. *Socio-political, cultural issues of sustainable development of mountain territories*, 3 (21): 125—130. (In Russ.).
- Tmenov, V. H. (1995). *Architecture of medieval Ossetia*. Vladikavkaz: RIPP named after V. A. Gassiev. 437 p. (In Russ.).
- Tmenov, V. X. (1984). *Medieval historical and architectural monuments of North Ossetia*. Ordzhonikidze: Ir. 344 p. (In Russ.).
- Tolstoy, V. N. (1997). *The Legend of North Ossetia*. Vladikavkaz: RIPP named after V. A. Gassiev. 127 p. ISBN 5-87862-046-4. (In Russ.).
- Tsagaeva, A. Dz. (1975). *Toponymy of North Ossetia*, 2. Ordzhonikidze: Ir. 560 p. (In Russ.).
- Tuaev, I. (1999). *My favorite toilet. Journalistic works*. Vladikavkaz: Ir. 108 p. (In Osset.).

Статья поступила в редакцию 15.11.2022,
одобрена после рецензирования 13.12.2022,
подготовлена к публикации 27.12.2022.